

Габриэль Гарсиа Маркес

GABRIEL

Скандал столетия

Библиотека классики (АСТ)

Габриэль Гарсиа Маркес

Скандал столетия

«Издательство АСТ»

1950–1984

УДК 821.134.2-31(861)

ББК 84(7Кол)-44

Маркес Г.

Скандал столетия / Г. Маркес — «Издательство АСТ», 1950–1984 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-136069-6

Габриэль Гарсиа Маркес — величайший писатель XX века, лауреат Нобелевской премии, автор всемирно известных романов «Сто лет одиночества», «Любовь во время чумы» и «Осень патриарха». На протяжении всей своей жизни Маркес неоднократно подчеркивал, что в первую очередь считает себя журналистом и немалую часть своего времени посвятил именно репортерской деятельности. Более того — он уверял, что даже свои художественные тексты выстраивал по принципу газетной статьи. Однако те, кто читал его публицистику, с уверенностью скажут, что дело обстояло ровно наоборот: свои газетные и журнальные статьи Маркес писал не как сухие отчеты, а как настоящие художественные произведения. И в полной мере это относится к центральному произведению сборника — «Скандал столетия», написанному в жанре документального детектива. Автор мастерски захватывает внимание читателя с первых же слов и не отпускает его до самой последней страницы. * * * 9 апреля 1953 года ушла из дома и не вернулась юная римская красавица Вильма Монтези. Сутки спустя ее тело — полураздетое, но без следов сексуального насилия — выбросило на берег морскими волнами. Полиция предполагает несчастный случай. И в самом деле, кому могла помешать дочь добропорядочного плотника и счастливая невеста молодого полицейского? Так начинается потрясшая всю Италию головокружительная криминальная история, в которой оказались задействованы гангстеры и звезды эстрады, «золотая молодежь» и крупные политики, актрисы, авантюристы и элитные «ночные бабочки». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.134.2-31(861)

ББК 84(7Кол)-44

ISBN 978-5-17-136069-6

© Маркес Г., 1950–1984

© Издательство АСТ, 1950–1984

Содержание

От издателя	7
Президентский цирюльник	9
Отсутствие темы как тема	11
Простительная ошибка	13
Убийца одиноких сердец	15
Смерть – дама, которая любит опаздывать	16
Странное идолопоклонство в Ла-Сьерпе	17
Он приходит во время дождя	22
Дом Буэндиа	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Габриэль Гарсиа Маркес

Скандал столетия

Gabriel Garcia Marquez EL ESCÁNDALO DEL SIGLO

Textos en prensa y revistas (1950–1984)

© Gabriel García Márquez, and Heirs of Gabriel García Márquez, 1981, 1982, 1983, 1974–1995, 1991–1999

© Перевод. А. Богдановский, 2022

© Перевод. А. Миролюбова, 2022

© Перевод. О. Светлакова, 2022

© Перевод. Д. Сеницына, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

От издателя

Габриэль Гарсиа Маркес не уставал повторять, что журналистика – «лучшее ремесло в мире», и считал себя скорее журналистом, чем писателем: «Я прежде всего журналист. Всю жизнь работал журналистом. И свои книги я писал как журналист, даже если это не бросается в глаза».

Настоящая подборка пятидесяти текстов, напечатанных в газетах и журналах с 1950 по 1984 год и взятых из монументальной «Публицистики» в пяти томах, собранной Жаком Жиларом¹, представляет читателям художественной прозы Гарсиа Маркеса плод его работы для прессы – работы, которую сам он всегда считал основополагающей для своего творчества в целом. Во многих из этих текстов читатели узнают авторский голос, увидят, как повествовательная манера рождалась внутри публицистики.

Желающие больше узнать об этой теме могут обратиться к антологиям Жилара, переизданным издательством *Random House*. В его предисловиях читатель найдет необыкновенно интересные и исчерпывающие пояснения, касающиеся истории и тем маркесовской публицистики. «Журналистика была для Гарсиа Маркеса прежде всего школой стиля, постижением оригинальной риторики», – пишет Жилар. В не предназначенном для продажи издании «Габо-журналист», опубликованном при поддержке Фонда новой ибероамериканской журналистики и Национального совета по культуре и искусству Мексики (CONACULTA), представлена иная подборка, составленная выдающимися коллегами-публицистами, а также подробная хронология сотрудничества Гарсиа Маркеса с прессой.

Некоторые рассказы автора предшествуют первым его газетным заметкам, но именно журналистика позволила молодому Гарсиа Маркесу прекратить учебу на юридическом факультете, начать писать для газет «Эль Универсаль» (Картахена) и «Эль Эральдо» (Барранкилья), а также отправиться в Европу в качестве корреспондента столичного издания «Эль Эспектадор» (после скандала, последовавшего за публикацией его первого большого репортажа о моряке, выжившем в кораблекрушении²). По возвращении, благодаря помощи друга и коллеги-журналиста Плинио Апулейо Мендосы, Гарсиа Маркес работал в венесуэльских изданиях «Элит» и «Моменто», а потом стал корреспондентом кубинского информационного агентства Пренса Латина в Нью-Йорке, где прожил несколько месяцев, после чего переехал с женой Мерседес и сыном Родриго в Мексику, где временно отказался от журналистской работы, чтобы с головой уйти в написание романа «Сто лет одиночества», предыстория которого прослеживается в одном из текстов настоящей антологии – «Дом Буэндиа». И хотя писательство в дальнейшем занимало большую часть его жизни, Гарсиа Маркес неизменно возвращался к любимой журналистике и даже основал шесть периодических изданий, в том числе «Альтернатива» и «Камбио». «Я хочу, чтобы меня помнили не как автора «Ста лет одиночества» или лауреата Нобелевской премии. Я хочу, чтобы меня помнили как основателя газеты», – писал он.

В качестве общего заглавия антологии – «Скандал столетия» – выбрано название ключевого репортажа, написанного в Риме и опубликованного в тринадцати сентябрьских номерах «Эль Эспектадор» в Боготе в 1955 году. В этих двух словах – и концентрированная броскость газетного заголовка, и присущая литературе склонность к гиперболе. А подзаголовок – и вовсе фирменный маркесовский шедевр: «Мертвая Вильма Монтези идет по свету».

Среди текстов антологии – заметки, колонки, комментарии, очерки, репортажи, аналитические статьи, портреты. Также читатель найдет здесь художественные тексты, публиковавшиеся в прессе и толстых журналах.

¹ На русском языке вышли два тома в изд-ве АСТ; т. 4 под названием «Территория войны» и т. 5 – «Территория слова».

² На русском языке повесть опубликована под названием «Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля».

Выбор основывался на личных критериях и стремлении избежать любой академической, стилистической или исторической категоризации. Как читатель и издатель Гарсиа Маркеса, я выбрал тексты, в которых подспудно присутствует повествовательное напряжение между журналистикой и литературой, где швы реальности растягиваются под безудержным творческим натиском, и читателям вновь предстает Гарсиа Маркес в своей восхитительной ипостаси «рассказчика историй».

В художественной прозе Гарсиа Маркес тоже применял журналистские навыки, о чем сам говорил в интервью: «За этими книгами – столько разведывания, столько проверки фактов, исторической точности, верности событиям, что фактически это большие романизированные или фантастические репортажи, а методы изучения информации и фактов и обращения с ними всегда берутся из журналистики».

Читатель найдет в антологии юношеские газетные заметки, в которых начинающий автор пытается нащупать путь к художественному письму – это, например, открывающий книгу юмористический комментарий о президентском парикмахере, – ранние фрагменты, где впервые упоминаются Аракатака или семейство Буэндиа, римские очерки о гибели молодой итальянки, в предполагаемом убийстве которой замешана политическая и культурная элита страны; очерки, где автор пробует силы в жанре детективного повествования и светской хроники в духе феллиниевской «Сладкой жизни», репортажи с открытым вопросительным финалом о торговле женщинами между Парижем и Латинской Америкой, заметки, переосмысляющие «горячие» новости разных стран, размышления о писательском ремесле (таковы, в частности, многие колонки, написанные для «Эль Паис» на последнем и весьма плодотворном этапе в 1980-е годы) и десятки других текстов, где перед нами вновь появляется тот Гарсиа Маркес, по которому мы так скучаем. Перефразируя Жилара, это тексты «колумбийского журналиста, отпущенного в большой мир».

Я в неоплатном долгу перед Кармен Бальсельс и Клаудио Лопесом де Ламадридом, которые доверили мне как издателю этот проект. К тому времени я уже успел поработать с Гарсиа Маркесом над изданием его воспоминаний и часто навещал его в Педрегале³, где мы вместе составляли книгу «Я здесь не для того, чтобы говорить речи». В долгу перед Мерседес, Родриго и Гонсало, чьи подсказки и советы помогали мне все те годы, что я читал и перечитывал тексты Гарсиа Маркеса. Я навечно благодарен им за их огромную щедрость. Наследие маркесовской публицистики, подборку которой вы найдете в этой книге, продолжает сегодня расширяться благодаря Фонду новой ибероамериканской журналистики имени Габриэля Гарсиа Маркеса под руководством Хайме Абельо. Фонд организует семинары и мастер-классы, ставшие прекрасной школой для сотен журналистов со всей планеты, и ежегодно присуждает профессиональную премию имени Гарсиа Маркеса. И наконец, больше всех я благодарен самому Габо за доверие к моей работе и, в особенности, за дружбу.

Кристобаль Пера

³ Район Мехико.

Президентский цирюльник

Несколько дней назад в правительственной газете появился портрет Его Превосходительства сеньора Президента Республики, Мариано Оспины Переса, на церемонии открытия пункта прямой телефонной связи между Боготой и Медельином. Глава исполнительной власти был окружен на снимке десятком телефонных аппаратов; казалось, что именно они причина его серьезного, сосредоточенного и озабоченного вида. Хороший снимок: ничто с таким успехом не создает образ человека, полностью поглощенного решением чрезвычайно срочных и важных вопросов, как небольшое стадо телефонов рядом с ним (надеюсь, читатели встретили аплодисментами эту сюрреалистически-пошлую метафору). Оттого, что человек на фотографии словно бы намерен звонить по телефону, кажется, что все эти аппараты предназначены бесперебойно передавать соответствующим абонентам в Медельине информацию государственной важности, а сеньор президент по двенадцать часов в сутки будет дистанционно управлять этим информационным потоком из своего далекого кабинета. Но вот что интересно: при всей своей неимоверной занятости сеньор Ospina Перес имеет на фото вид человека вполне ухоженного – он прекрасно одет, его снежные седины тщательно причесаны, подбородок безукоризненно выбрит. Это говорит нам о том, что сеньор президент с должной частотой прибегает к услугам парикмахера, без сомнения доверенного и весьма квалифицированного. Вот мы и подошли к сформулированной в заголовке главной теме, навеянной созерцанием фотографии Первого лица Республики и самого гладковыбритого представителя власти в Америке: кто бреет президента?

Сеньор Ospina – человек умный, ловкий, предусмотрительный, и уж конечно, хорошо прорабатывает кадровые вопросы, особенно в отношении людей, которые служат ему непосредственно. Надо полагать, своим министрам он доверяет безусловно; это люди, которые не согрешат против его благорасположения ни словом, ни помышлением. Дворцовый повар, если во дворце есть свой повар, должен быть досконально проверенным, идеологически выдержанным кадром, который готовит изысканные и питательные блюда, представляющие собой важный фактор государственной безопасности, поскольку они служат Первому пищеварению Республики, а оно должно происходить гладко и беспроблемно. Далее, не исключено, что даже в самое сердце дворца, то есть в кухню, тайно проникают вражеские агенты политической оппозиции, злонамеренные и коварные. Значит, необходим надежный человек, который будет пробовать все блюда до того, как их отведают президент. И если все это верно в отношении министров, работников кухни, лифтеров, то что же, спрашиваю я вас, надо сказать о парикмахере – единственном избирателе, да что там, единственном смертном, который каждый день приближается к президенту с хорошо наточенной бритвой в руке? Каким же должен быть этот несравненный, этот особо доверенный, этот вельможный кабальеро, проводящий с сеньором Оспиной каждое утро? Ведь именно ему поверяют детали ночных кошмаров и заботы дня прошедшего и дня грядущего, именно он и есть тот приближенный мудрый советчик, которыми всегда бывают истинные цирюльники.

И если, по выражению поэта, судьба гениев часто лежит в руках акушера, то подумаем, как часто судьбы государства держал в руках цирюльник. Уверен, что сеньору Ospine эта истина известна. Поэтому я так и вижу, как перед церемонией открытия пункта прямой связи между Боготой и Медельином Первое лицо, полностью полагаясь на своего брادرера, прикрывает глаза, устало вытягивает вперед ноги и отдается наслаждению чувствовать, как холодно-иронически скользит бритва вдоль яремной вены, в то время как в сознании плотными рядами маршируют пункты его сегодняшнего рабочего графика. Возможно даже, что президент рассказал парикмахеру о предстоящем открытии новейшего пункта связи, которое так украсит его президентство. «Кому бы позвонить в Медельин», – подумал вслух президент, в то время как

идеально наточенная бритва легко двигалась вверх по его шее; парикмахер же – отец семейства, спортсмен и турист, человек благоразумнейший – воздержался от ответа, сохранив мудрое и многозначительное молчание. Потому что на самом-то деле (думал парикмахер), будь я не парикмахер, а президент, то на открытии пункта связи я с озабоченным видом взял бы трубку и властным тоном приказал оператору соединить меня с общественным мнением Колумбии.

16 марта 1950 года, «Эль Эральдо», Барранкилья

Отсутствие темы как тема

Некоторые умудряются сделать темой журналистского материала даже бич нынешней журналистики – тотальное бестемье. Этот прием граничит с абсурдом: ведь мир, в котором мы живем, задыхается от событий, одно интереснее другого. Но люди, которые решились писать ни о чем, особо не утруждаются. Достаточно бесцельно пролистать сегодняшние газеты, скользая по ним скучающим взором, как положение дел изменится на противоположное: тематики будет предложено столько, что некуда девать и неизвестно, какую предпочесть. Вот, например, первая полоса первой попавшейся газеты: «Два подростка получили ожоги, играя с летающими тарелками». Вы закуриваете. Медленно опускаете глаза на клавиатуру своего «Ундервуда» и созерцаете буквы. С той, которая понравится вам больше других, начинаете печатать. Перечитывая заметку, размышляете о прискорбном положении дел с летающими тарелками – как быстро минула мода на них! Сколько было шума еще два года назад, когда какой-то арканзасский фермер увидел их первый раз, а что теперь? Они стали самой обычной детской игрушкой, пусть даже и небезопасной. Вы размышляете о печальной судьбе летающих тарелок; невзирая на инопланетное происхождение, их постигла участь призраков: человечество отказало им в почитании. Ко времени раскуривания второй сигареты вы уже понимаете, что тема не катит. Нестойкая, быстро увядшая тема.

Следующая полоса. Международное положение: «В Бразилии в нынешнем году урожай кофе ожидается меньше обычного». Да кого это волнует! Дальше: «Необыкновенное происшествие на реке Караре». «Освоение Мирового океана: юридические аспекты». Скучая, вы переходите к передовицам. Каждая густо покрыта шрамами от беспощадного цензурного вмешательства, нет ни одного живого предложения, ни одного уцелевшего прилагательного. (Вот бы взглянуть, что именно вычеркнуто). А подходящей темы так и не нашлось. Что делать? Само собой, переходить к комиксам. Беднягу Панчо не выпускают из дома. Дядя Барбас участвует в дуэли, чернеют вороненые стволы. Кларк Кент борется с Суперменом, Супермен борется с Кларком Кентом. Тарзан теперь торгует черепами. Авивато что-то привычно крадет, на сей раз связку рыбы. Пенни сидит на занятии по философии. Жуть. Теперь хроника светской жизни. Надо же, жизнь на глазах дорожает, климат все хуже, а эти двое решили пожениться. Дочь генерала Франко выйдет за кабальеро, который будет теперь его превосходительством зятем диктатора. Один умер, шестеро родились. Вы закуриваете третью сигарету. Газета просмотрена, а темы нет. Смотрите на фотографию жены и детей. Они ждут вас дома голодные и будут голодать дальше, если не найдется подходящей темы. Кошмар. Неужели эмоции выйдут из-под контроля? Нет, нет, осталась еще киноафиша! Но материал о кино был вчера, а после этого – хоть потоп.

Четвертая сигарета оказывается, к вашему ужасу, последней в пачке. Как, и спичка тоже была последняя! И за окном уже ночь, и стрелки на часах в зловещей пляске времени несутся, как сказал бы Калибан [Калибан – псевдоним Э. Монтехо, знаменитого колумбийского журналиста, «Пляска времени» – название его колонки]. Ну так что? Выбрасывать полотенце на ринг, как боксер-слабак? Ничто так не похоже на бокс, как журналистика, только у них в боксе можно выбросить на ринг полотенце в знак проигрыша, а у нас нельзя. У нас всегда побеждает печатный станок. Сегодня останетесь без жирафы. Воображаю, сколько людей будут по этому поводу ликовать. Однако я припоминаю одну истертую в прах от давнего употребления мудрость: «как начнешь, так и закончишь». Иначе говоря, главное – хорошо начать. Что ж, повторим поиск темы – без сигарет, без спичек – с самого начала. «Некоторые умудряются сделать темой журналистского материала даже бич нынешней журналистики, тотальное бестемье. Прием граничит с абсурдом...» Карамба! Вот тема и нашлась!

11 апреля 1950 года, «Эль Эральдо», Барранкилья

Простительная ошибка

В городе Кали был вторник. Некий кабальеро, который провел конец недели так бурно, что ничего о нем не помнил, пытался найти в памяти хоть какие-то следы ушедших трех дней. Но невозможно так элегантно, а главное, так настойчиво надираться с субботы до полуночи понедельника без последствий. Утро вторника застало его в комнате, до потолка наполненной головной болью. Кабальеро попытался открыть глаза и определиться во времени и пространстве. Поначалу ему показалось, что пил он вчера, а сегодня утро воскресенья. Но уверен не был. Он вообще ничего не чувствовал, кроме самого похвального раскаяния. Грех его был страшен, хотя в точности сказать, в каком именно из семи смертных грехов он раскаивается, кабальеро не мог. Это было раскаяние как таковое – безусловное, неподкупное, яростное и самоуглубленное.

Пожалуй, кабальеро мог бы с уверенностью утверждать, что он находится в городе Кали; по крайней мере здание напротив его окна было гостиницей «Альферес Реал», следовательно, тезису о Кали имелось неопровержимое, можно сказать, онтологическое доказательство. Не могли же они за субботнюю ночь перенести гостиницу в другое место. Глаза удалось наконец полностью открыть, и головная боль уже не заполняла всю комнату, а ступила и осела где-то в изголовье постели. Кто-то позвал кабальеро по имени, но тот не обратил внимания, лишь подумал, что в соседней комнате переговариваются два каких-то незнакомца. Время лежало перед ним как гладкое озеро: берег слева – вечер субботы, берег справа – безотрадное настоящее, посередине – ровно ничего. Он осторожно спросил себя, кто он такой, на самом-то деле. Вспомнив свое имя, он понял, что из соседней комнаты кто-то звал именно его, но сразу отвлекся от этой ерунды.

Вдруг в воздухе блеснуло что-то маленькое и плоское – оно влетело в окно, упало возле кровати и забило на полу. Кабальеро подумал, что это ветер внес листок бумаги, и продолжил опасливое наблюдение за потолком, который шел волнами, покачивался и опускался, как туман, причиняя ужасную головную боль. У кровати что-то по-прежнему шлепало по полу. Кабальеро смог дотянуться головой до края подушки и увидел, что на полу посередине комнаты бьется маленькая серебристая рыбка. «Ну привидится же, – подумал кабальеро, злобно скаля зубы, – рыба! Рыба в тысяче километров от моря, в Кали, на третьем этаже, на полу в моей комнате. Чушь». Продолжая ехидно посмеиваться, он отвернулся к стене.

Но в следующий же момент в ужасе подпрыгнул в постели. «Рыба! – завопил он. – Рыба, рыба у меня в комнате!» Задыхаясь в отчаянии, он кинулся в угол и прижался к стене. Раскаяние поднималось над ним, торжествуя. Он всегда насмехался над теми, кто допивался до розовых слонов или скорпионов под зонтиками. А теперь с ним самим то же самое! В его собственной комнате, на полу, зеркально сверкая, подпрыгивает маленькая рыбка!

Кабальеро прикинул расстояние, сжал зубы и, закрыв глаза, ринулся навстречу судьбе: головокружение, пустота, приближающийся тротуар. Он выбросился в окно.

Когда наш кабальеро открыл глаза в больничной палате, чувствовал он себя куда лучше, все помнил; под бинтами, правда, было неизвестно что, но оно не болело. На тумбочке лежала газета. В приливе энергии кабальеро дотянулся до нее, развернул и прочел:

«Кали, 18 апреля. Сегодня утром на одной из улиц нашего города неизвестный мужчина в состоянии сильного алкогольного опьянения выбросился из окна третьего этажа. Он госпитализирован, угрозы жизни нет».

Кабальеро узнал себя в герое заметки. Он был спокоен, безмятежен, его клонило в сон. Вчерашний кошмар казался далеким и неважным. Он лениво перевернул лист и продолжил читать городские новости. В следующей заметке мелькнуло слово «рыба». Чувствуя, что головная боль снова кружит где-то недалеко от больничной койки, кабальеро прочел:

«Кали, 18 апреля. Удивительный природный феномен наблюдали сегодня жители Вальдель-Каука и ее столицы Кали. На улицы города выпали вместе с дождем тысячи мелких серебристых рыбешек, не более ладони величиной. В редакцию продолжают поступать сообщения о рыбках, захваченных смерчем и упавших с дождем на землю».

20 апреля 1950 года, «Эль Эральдо», Барранкилья

Убийца одиноких сердец

Когда Рэймонд Фернандес и Марта Бек познакомились в Нью-Йорке (было это несколько лет назад), на свет родилась очередная сумасбродная иллюзия из тех, что обитают во второсортных отельчиках и подпитываются как долгими поцелуями, так и вставленными в рот дулами пистолетов. Марта и Рэймонд – эти имена отлично подойдут для следующего романа дона Артуро Суареса⁴, – по всей вероятности, достигли состояния духовной чистоты, в котором их и накрыла полиция, путем тщательной проверки взаимных чувств, общих предпочтений и общих способностей. Жизнь не была к ним благосклонна. Она представлялась им чем-то вроде псины, привязанной в коридоре многоквартирного дома, где они жили: днем скалила сверкающие зубы, грозя жестокостью и голодом, а ночью выла, не давала спать и норовила сорваться с цепи. Вот как вела себя жизнь с Мартой и Рэймондом, влюбленными, которые, надо думать, в отличие от героев романтических книжек, повторяли пресловутое «любит – не любит», не гадая на трогательных ромашках, а выпуская в стену дома пулеметную очередь.

Позже, переехав в квартирку с цепным псом в общем коридоре, они нашли способ подбросить живительных дровишек в костер любви, которая, если бы не это спасительное средство, остыла бы, как всегда остывает, если людям не хватает горячего супа в сердце. Рэймонд и Марта обнаружили слабость некоей вдовы, миссис Джэнет Флэй, записанной в одно из печальных сообществ, известных под поэтическим названием «Клуб одиноких сердец». По-видимому, миссис Флэй в избытке обладала тем, чего Марте с Рэймондом не доставало для победы над псом, и была лишена того, чем изобиловали их ночи, во тьме которых они делили ложе и кошмары.

Дело приняло серьезный оборот, когда Рэймонд связался со вдовой и предложил ей обмен. С нее – деньги, с него – не менее одной из бесчисленных влюбленных струн души, начинающих коченеть без чашки согревающего бульона. Идеальный – по крайней мере, с точки зрения Рэймонда, – план медленно развивался, в ход пускались все новые тайные детали, но однажды что-то пошло не так, застопорило безупречный механизм, и Рэймонд с Мартой, сами толком не понимая как, оказались за решеткой – вместе со своей любовью, обкусанными дулами пистолетов, псом и все остальным.

На том бы и завершилась эта сентиментальная история, если бы самоотверженной Марте не передался заразный недуг одиноких сердец и она не начала флиртовать с охранником тюрьмы Синг-Синг. Уильям Ритчер, адвокат Фернандеса, добился, чтобы федеральный судья Сильвестр Райан выдал, в соответствии с правилом «хабеас корпус», разрешение на перевод заключенного в Нью-Йорк, поскольку внезапно вспыхнувшие чувства Марты к тюремщику оказались для Рэймонда «психологической пыткой», а такого наказания ему никто не назначал.

Однако перевод, если верить поступающим сведениям, не помог горю Рэймонда. Замечали, что он бродит по камере, разговаривает сам с собой и мучается воспоминаниями о ночах во второсортном отельчике, ночах, которые, как теперь ему кажется, были исполнены счастья, несмотря на пса и на крыс, дравшихся за газетный лист прямо под ложем любви. «Убийца одиноких сердец», как его окрестила пресса, сам стал в нью-йоркской тюрьме членом злополучного клуба и попросил о самом действенном лекарстве от своей хвори. Высоковольтном лекарстве, которое, без сомнения, превратит Рэймонда печального в Рэймонда ликующего, как только служащие тюрьмы приведут в действие безотказное приспособление – электрический стул.

27 сентября 1950 года, газета «Эль Эральдо», Барранкилья

⁴ Имеется в виду Артуро Суарес Деннис (1887–1956), популярный колумбийский беллетрист.

Смерть – дама, которая любит опаздывать

Читая сообщение, пришедшее из Миддлсборо, Кентукки, я вспомнил красивую притчу о рабе, который бежал в Семару, потому что встретил на базаре смерть, и та ему вроде бы погрозила пальцем. Через пару часов хозяин раба, кажется, близкий приятель смерти, тоже встретился с ней и спросил: «Зачем ты грозила моему рабу, встретив его сегодня утром на базаре?» И смерть ответила: «Я не грозила ему, я просто удивилась. Меня удивило, что он все еще здесь, в то время как вечером у нас с ним свидание в Семаре».

Эта притча в некотором роде противоположна тому, что случилось два дня назад в Миддлсборо, Кентукки, где у человека на утро было назначено свидание со смертью, но по причинам, до сих пор не выясненным, именно смерть на него не явилась. Зато Джеймс Лонгворт, шестидесятидевятилетний горец, встал так рано, как никогда не вставал, помылся и приготовился будто бы в далекий путь. Потом лег в постель, закрыл глаза и принялся твердить все молитвы, какие знал, в то время как снаружи, за окнами, больше двухсот человек дожидались, когда свершится объявленное, приплывет невидимый корабль и навсегда унесет обреченного.

Ожидание длилось уже три дня, с того самого утра, когда горец за завтраком заговорил о своих снах и сообщил, что в одном из них к нему явилась смерть и пообещала прийти за ним в восемь часов двадцать минут 28 июня 1952 года. Весть распространилась по городку, затем по району, а затем и по всему штату Кентукки. Рано или поздно каждый житель городка, района и штата должен будет умереть. Но смертность Джеймса Лонгворта с того самого дня стала отличаться от смертности его соседей, ведь ему был назначен срок, он мог делать все, что угодно, даже разработать себе диету на основе сулемы, будучи уверен, что смерть сдержит слово, столь торжественно данное, и не пойдет на попятный после столь четкого и громогласного объявления. С того самого дня Джеймса Лонгворта называли на улицах Миддлсборо, в районе и в штате Кентукки просто «человеком, который должен умереть».

Так что позавчера, проснувшись, жители района вспомнили, что настало 28 июня и что через два часа смерть явится на свидание к Джеймсу Лонгворту. Утро, которое должно было стать скорбным, превратилось до какой-то степени в праздничное: любопытствующие горожане опаздывали на работу, делали крик, чтобы присутствовать при свидании со смертью. В действительности люди вряд ли думали, будто Джеймс Лонгворт умрет какой-то особенной смертью. Но, так или иначе, в данном случае в игру вступило нечто, интересовавшее смертных с самого начала времен: а именно, держит ли смерть свое слово. И мужчины, женщины и дети явились, дабы убедиться в этом, в то время как Джеймс Лонгворт прощался с ними, лежа в постели, так, как будто уже поднимался по трапу того незримого судна, одну из бесчисленных миллионов кают которого ему дано было разглядеть три года назад, когда была назначена дата его отправления в нескончаемый путь.

Вдруг, трепеща всем сердцем, наблюдатели убедились, что на часах ровно восемь двадцать, а смерть не приходит. Горделивую скорбь, поруганную надежду отразили две сотни лиц, прижимающихся к стеклу. Но минута прошла. Прошла еще одна, и ничего не случилось. Тогда Джеймс Лонгворт, придя в замешательство, сел в постели и сказал: «Если я сейчас не умру, это меня сильно огорчит». И возможно, что в этот час двести человек, которые встали ни свет ни заря, долго тащились пешком, изнывая от зноя ясным утром палящего лета, собрались все вместе на площади и призывают смерть. Не затем, чтобы она их унесла с собой, а затем, чтобы ее линчевать.

1 июля 1952 года, «Эль Эральдо», Барранкилья

Странное идолопоклонство в Ла-Сьерпе

Экстравагантное поклонение Исусику. Профсоюз идолов. Святая Доска и святая Почка. Пача Перес.

Идолопоклонство приобрело в Ла-Сьерпе необычайный размах с той далекой поры, когда одной женщине показалось, будто она обнаружила сверхъестественную силу в кедровой доске. Когда эта женщина несла ящик с мылом, одна доска отломилась, и тщетными оказались все усилия прибить ее на место: гвозди гнулись, не желая проникать в мягкую на вид древесину. Наконец женщина пристально взгляделась в брусок и, по ее словам, узрела в его неровностях образ Пресвятой Девы. Освящение свершилось в тот же миг, канонизация осуществилась прямо тут, на месте, без метафор и лишних рассуждений: Святая Доска, кедровый брусок, творящий чудеса, который носят в крестном ходе, когда зима угрожает урожаю.

Эта находка положила начало экстравагантному и многочисленному списку святых предметов: в нем числятся копыта и рога скотины, которым молятся, желая отвести чуму от стада; тыквенные бутылки, отгоняющие от путников диких зверей; куски металла или домашняя утварь, доставляющие девицам каких-то невероятно замечательных женихов. Между ними – Святая Почка, канонизированная мясником, которому говяжья почка показалась поразительно похожей на лик Иисуса в терновом венце; к ней прибегают при болезнях внутренних органов.

Исусик

Непременной принадлежностью праздников, которые ежегодно справляют в селениях, близких к Ла-Сьерпе, является крохотный алтарь, который устанавливают где-нибудь в углу площади. Мужчины и женщины подходят к нему, подают милостыню и молят о чуде. Это – ниша из листьев королевской пальмы, посередине которой, на коробочке, обернутой в яркую цветную бумагу, находится идол, самый популярный в регионе, имеющий больше всего почитателей: черный человечек, вырезанный из дерева, двух дюймов в высоту, сидящий верхом на золотом кольце. Зовут его просто, по-домашнему: Исусик. Обитатели Ла-Сьерпе призывают его в любых чрезвычайных случаях, клятвенно обещая положить к его ногам изделие из золота, в память о чуде. Вот почему ныне на алтаре Исусика – настоящая куча золотых фигурок, которые стоят целое состояние: золотые глаза, дарованные слепцом, который прозрел; золотые ноги от паралитика, который встал и пошел; золотые ягуары, положенные путниками, которые избежали опасности быть съеденными; и бесчисленные золотые младенцы, разных размеров и очертаний, ведь к образу черного человечка, сидящего верхом на золотом кольце, чаще всего обращаются роженицы Ла-Сьерпе.

Исусик – старинный святой, неизвестного происхождения. Он передавался из поколения в поколение и долгие годы доставлял средства к существованию своим разнообразным владельцам. Исусик подвластен закону предложения и спроса. Этот вожаемый предмет приобретает путем честной сделки и неукоснительно компенсирует покупателю затраты. Согласно традиции, владелец Исусика присваивает себе и милостыню, и принесенные по обету золотые вещицы, но не скотину, которую дарят идолу, увеличивая его личное достояние. В последний раз, когда Исусик был продан, три года тому назад, его купил скотовод с изрядной коммерческой жилкой: он решил сменить род занятий, избавился от стада и земель и пустился странствовать по деревням, таская с праздника на праздник свою благоденствующую лавку чудес.

Ночь, когда был похищен Исусик

Восемь лет тому назад Исусика похитили. Это случилось в первый раз и определенно в последний, ибо совершившего подобное деяние знают и страдают ему все, кто тогда находился за болотами Ла Гуарипы. Это произошло 20 января 1946 года в Ла Вентуре, в ночь, когда отмечался праздник Сладчайшего Имени. На рассвете, когда энтузиазм начинал уже оскудевать, всадник на полном скаку ворвался на деревенскую площадь и опрокинул помост, где расположились музыканты, под звон разбитой посуды, грохот падающих рулеток и крики танцоров, сбитых с ног. То была мгновенно промчавшаяся буря. Но когда она пролетела, Исусик исчез со своего алтаря. Напрасно искали его среди разбросанных вещей, рассыпанной еды. Напрасно разобрали нишу, перетрясли тряпки и тщательно обыскали впавших в смятение жителей Ла Вентуры. Исусик исчез, и это послужило не только поводом для всеобщего беспокойства, но и признаком того, что идолу не пришелся по нраву праздник Сладчайшего Имени.

Через три дня всадник с чудовищно распухшими руками проскакал по длинной, единственной улице Ла Вентуры, спешил к отделению полиции и вручил инспектору крошечного человечка, сидящего верхом на золотом кольце. У него не осталось ни сил, чтобы снова сесть на коня, ни мужества, чтобы противостоять ярости толпы, которая собралась у дверей. Единственное, что было ему нужно, чего он просил, вопя благим матом, – чтобы привели ювелира, который срочно изготовил бы пару золотых рук.

Потерянный святой

В предыдущий раз Исусик потерялся на год. Его искали не покладая рук триста шестьдесят пять дней и ночей все жители округи. Обстоятельства, при которых он пропал тогда, были сходными с кражей в ночь Сладчайшего Имени в Ла Вентуре. Известный в округе шалопай, не имея на то никакой причины, внезапно схватил идола и забросил его в соседний огород. Не поддаваясь замешательству и противостоя смятению, верующие тотчас же принялись вычищать огород, сантиметр за сантиметром. Через двенадцать часов там не оставалось ни травинки, но Исусик так и не нашелся. Тогда они стали скрести землю. И тщетно скребли ее неделю, потом вторую. Наконец через пятнадцать дней поисков решили, что участие в данном предприятии приравнивается к покаянию, а обнаружение Исусика означает искупление грехов. С тех пор огород превратился в место паломничества, чуть позже – во всеобщий базар. Вокруг него установили прилавки, и мужчины и женщины из самых отдаленных уголков Ла-Сьерпе приходили скрести землю, копать, перелопачивать почву, многократно перелопаченную, в надежде найти Исусика. Сведущие люди утверждают, будто пропавший Исусик продолжал творить всякие чудеса, кроме чуда своего появления. То был скверный год для Ла-Сьерпе. Урожай сократился, качество зерна ухудшилось, и доходов не хватило, чтобы покрыть потребности региона, многочисленные, как никогда.

Умножение Исусика

Существует богатый репертуар очень живописных анекдотов про скверный год, когда пропал Исусик. В каком-то доме в Ла-Сьерпе появился поддельный Исусик, вырезанный насмешником-антиокийцем, что вызвало взрыв народного возмущения и чуть не привело шутника к плачевному концу. Этот случай положил начало целой серии подделок, широкомасштабному производству апокрифических Исусиков, которые возникали повсюду, что, наконец, настолько смутило умы, что в определенный момент люди задались вопросом, а не скрывается

ли настоящий идол среди внушительного числа поддельных. Чутье, с помощью которого обитатели Ла-Сьерпе отличают поддельное от подлинного, было вначале единственным средством, к которому прибегал обладатель очередного Исусика, чтобы идентифицировать имевшуюся у него фигурку. Люди рассматривали статуэтку и попросту говорили: «Нет, не та». И обладатель выкидывал ее, ведь даже если то и был настоящий Исусик, какой в нем толк, если почитатели уверяют, будто он из поддельных. Но с какого-то момента по поводу идолов стали возникать споры. Через восемь месяцев после пропажи ценность Исусика начала подвергаться сомнению. Вера почитателей пошатнулась, и кучу идолов сомнительного происхождения сожгли дотла, поскольку кто-то заявил, будто подлинный Исусик в огне не горит.

Профсоюз идолов

Когда проблема многочисленных поддельных Исусиков была решена, воображение фанатиков измыслило новые способы обнаружить идола. Святую Доску, Святую Почку, всю пеструю вереницу рогов, копыт, обручальных колец и кухонной утвари, которая составляет благоденствующее воинство святых Ла-Сьерпе, доставили в огород и устроили шествие, чтобы все они, в знак профессиональной солидарности, оказали помощь в утомительных поисках Исусика. Но и это ни к чему не привело.

Ровно через год после ночной пропажи кто-то сведущий в требованиях и недовольствах Исусика высказал счастливую мысль: единственное, чего хотел Исусик, – это большой корриды.

Местные скотоводы вложили деньги, предоставили быков и оплатили работникам пять праздничных дней. Такого многолюдного, насыщенного и шумного праздника не помнят в Ла-Сьерпе, но пять дней миновало, а Исусик не появился. Окончилась последняя ночь, наступило утро, и когда работники возвращались к своим трудам, а фанатики региона придумывали новые средства и экстравагантные покаяния, чтобы Исусик появился, женщина, проходившая в шести милях от огорода, нашла черного человечка, валявшегося посреди дороги. Во дворе ближайшего дома разожгли костер и бросили туда фигурку. Когда огонь догорел, идол лежал среди золы, подлинный Исусик, совершенный в своей целостности и сохранности.

Личное хозяйство Исусика

Тут и стало прирастать личное богатство Исусика. Хозяин огорода передал ему свои права, с условием, что земля будет считаться личной собственностью образа, а не его владельца. С той поры Исусик получает от своих почитателей скот и земли с хорошими пастбищами и проточной водой. Конечно, распоряжается этими благами владелец идола. Но до настоящего времени никаких злоупотреблений в управлении хозяйством не отмечено. В такой форме Исусик владеет огородом, двумя домами и хорошо ухоженным выгоном, где пасутся коровы, быки, лошади и мулы, отмеченные его личным клеймом. Что-то подобное имеет место в случае статуи Христа из Вилья де Сан-Бенито, относительно которой несколько лет назад было предпринято предварительное следствие по делу об угоне скота, ибо обнаружилась чужая скотина, помеченная клеймом Господа Бога.

Бдение над усопшим в Ла-Сьерпе

Домохозяйки в Ла-Сьерпе идут за покупками всякий раз, когда кто-нибудь умирает. Бдение над усопшим – важное событие в коммерческой и общественной жизни региона, жители которого не имеют другого случая встретиться, собраться вместе и развлечься, чем тот, что время от времени предоставляет им смерть знакомого человека. Поэтому бдение над усоп-

шим – праздничное, живописное зрелище, настоящий ярмарочный балаган, где мертвое тело – самый незначительный, случайный и анекдотичный предмет.

Когда в Ла-Сьерпе кто-то умирает, двое отправляются в путь в противоположных направлениях: один к Ла Гуарипе – купить гроб, второй – в глубь болот, чтобы распространить новость. Приготовления в доме начинаются с того, что подметается двор и убираются подальше все предметы, какие могут в эту ночь и восемь последующих помешать передвижениям гостей. В самом дальнем углу, где он точно не может никому помешать, где на него никто не наткнется, лежит мертвец, на двух досках, брошенных на пол. Народ начинает сходиться к вечеру. Все направляются прямо во двор и устанавливают у изгороди прилавки с разным скарбом, жареной едой, дешевыми лосьонами, керосином, спичками. К ночи двор превращается в общий базар; посередине стоит гигантский чан, до краев наполненный местной водкой, и в нем плавают многочисленные сосудики из маленьких зеленых тыкв. Этот чан и повод, предоставленный покойником, – единственный вклад семьи.

Коллегия любви

В сторонке, за самым широким столом, рассаживаются девушки, чтобы сворачивать табачные листья. Не все: только горящие желанием заполучить мужа. Предпочитающие в ближайшее время не рисковать, могут делать на поминках все, что угодно, только не сворачивать сигары. Хотя чаще всего девушки, которые не горят желанием заполучить мужа, не приходят на праздник.

Для мужчин, которые горят желанием заполучить жену, тоже имеется особое место, у кофейной мельницы. Женщины Ла-Сьерпе испытывают неодолимое влечение, довольно объяснимое, но также и символическое, к мужчинам, которые способны за невероятно короткое время намолоть огромное количество кофе. Участники этого изнурительного соревнования один за другим подходят к столу с мельницей, где их ожидает двойная задача: пронзить сердца девушек, сворачивающих сигары, и стереть в порошок немереное количество поджаренных кофейных зерен, которые беспристрастный судья, пользуясь случаем, все подсыпает и подсыпает в мельницу. Больше, чем прилежные кавалеры, на этом почти всегда выгадывают владельцы кафе: много дней они ожидали, чтобы покойник, с одной стороны, и питающий радужные надежды влюбленный, с другой, решили самую важную и настоящую задачу, какая возникает в его заведении.

Разбившись на группы, другие мужчины говорят о делах, спорят, обсуждают и заключают сделки, а заодно отмечают успехи или сглаживают противоречия, периодически навеваясь к огромному чану с водкой. Есть место и для праздных людей, тех, кто ничего не продает и не покупает: они рассаживаются группами, вокруг керосиновых ламп, играть в домино или в «девятку» испанскими картами.

Пача Перес

Оплакивать мертвеца – занятие, которое на Атлантическом побережье обрастает самыми любопытными и невероятными подробностями, – среди уроженцев Ла-Сьерпе никак не касается семьи покойного, а возлагается на женщину, которая по призванию и вследствие богатого опыта стала профессиональной плакальщицей. Соперничество в этом ремесле куда опаснее и имеет куда более мрачные последствия, чем веселое соревнование кавалеров, мелющих кофе.

Гениальной плакальщицей, превосходившей всех других в Ла-Сьерпе, была Пача Перес, женщина властная и изможденная: говорили, будто она дожила до 185 лет, а потом дьявол превратил ее в змею. Как Маркеситу, Пачу Перес поглотила легенда. Ни у кого больше не было такого голоса, и не родилась в болотистых зарослях Ла-Сьерпе женщина, обладающая обо-

льстительной, сатанической способностью вместить всю историю покойного в один-единственный вопль. Пача Перес всегда была вне конкуренции. Когда заходит о ней разговор, нынешние плакальщицы вроде как оправдывают ее, в то же самое время оправдывая себя: «Просто Пача Перес заключила договор с дьяволом».

Театр плакальщиц

Плакальщицы выступают не для того, чтобы оплакать мертвого, но для того, чтобы воздать должное почетным гостям. Когда гости замечают присутствие человека, который по своему экономическому положению может считаться в округе почетным гражданином, об этом сообщают той плакальщице, чей черед выступать. Засим следует чисто театральная сцена: коммерческие сделки приостанавливаются, девушки перестают сворачивать сигары, а их ухажеры – молотить кофе; те, кто играет в «девятку», и женщины, присматривающие за очагами и за прилавками, умолкают и поворачиваются, ожидая чего-то, к центру двора, где плакальщица, воздев руки и скорчив драматическую гримасу, уже готова рыдать навзрыд. В длинном, пронзительном вопле вновь пришедший слышит целую историю, перед ним предстает, с хорошими и плохими мгновениями, с доблестными и дурными поступками, с радостями и горестями вся история мертвеца, который гниет в углу, среди свиней и кур, положенный навзничь на две доски.

То, что вечером казалось веселым, живописным базаром, к утру приобретает трагические черты. Чан наполнялся несколько раз, и несколько раз выпивалась паленая водка. И вот возникают заминки в беседах, игре и любви. Завязываются свары, жестокие, неразрушимые, которые навсегда испортили бы отношения между отравленными скверным алкоголем людьми, если бы в этот миг не всплывало во всей своей ужасной мощи до той поры всем мешающее, а теперь вдруг первостепенное присутствие мертвеца. Перед самым рассветом кто-то вспоминает, что в доме лежит покойник. Такое впечатление, будто это для всех новость, ибо гости тотчас же замирают, и группа пьяных мужчин и усталых женщин, отогнав свиней и кур, перетаскивает доски, на которых лежит покойник, на середину комнаты, чтобы Панфило прочитал молитву.

Панфило – мужчина колоссального роста, могучий, как дерево, и немного женственный; ему сейчас около пятидесяти лет, и в течение тридцати из них он присутствовал на всех поминках в Ла-Сьерпе и читал молитвы над всеми мертвецами. Достоинство Панфило, благодаря которому его предпочитают другим чтецам, состоит в том, что его молитвы, его тайные заклинания придуманы им самим: тут своеобразное, путаное прочтение католической литературы смешалось с суевериями, распространенными в Ла-Сьерпе. Свой собственный молитвослов Панфило называет «Молитва Господу нашему всяких сил». Панфило, который не имеет постоянного места жительства, а находит приют в доме последнего покойника до тех пор, пока не приходит известие об очередном, встает перед мертвым телом и по пальцам правой руки начинает отсчет таинств. Наступает момент главного диалога между молельщиком и присутствующими, которые отвечают хором: «Забери его к себе», – каждый раз, когда Панфило произносит имя святого, почти всегда им самим придуманное. Завершая «Молитву Господу нашему всяких сил», чтец смотрит вверх и произносит: «Ангел-хранитель, забери его к себе». И указывает пальцем на потолок.

Панфило едва исполнилось пятьдесят лет, он здоров и могуч, как сейба, но – как это случилось в свое время с Маркеситой и Пачей Перес – увяз в легенде по самую шею.

28 марта 1954, «Воскресный журнал», «Эль Эспектадор», Богота

Он приходит во время дождя

Не в первый раз она так вздрагивала, сидя и слушая дождь. Скрипнула железная решетка, прошелестели шаги по выложенной кирпичом дорожке, подошвы зашаркали перед тем, как ступить на крыльцо. Вечер за вечером она ждала, что мужчина постучится в дверь. Но потом, научившись распознавать бесчисленные звуки дождя, пришла к мысли, что воображаемый гость никогда не переступит порога, и привыкла не ждать. Окончательное решение было принято бурной сентябрьской ночью пять лет назад, когда, размышляя над своей жизнью, она сказала себе: «Я того гляди превращусь в старуху». С тех пор звуки дождя изменились, и шаги на кирпичной дорожке были вытеснены другими голосами.

Разумеется, несмотря на ее решение больше не ждать, время от времени железная решетка поскрипывала, и подошвы шаркали перед порогом, как раньше. Но дождь уже дарил ей новые откровения. Она снова слышала, как Ноэль, пятнадцатилетний, учил попугая катехизису; и доносилась издали грустная мелодия граммофона, который продали старьевщику, когда умер последний мужчина в семье. Из шума дождя она научилась извлекать чистые трогательные голоса прошлого, некогда звучавшие в доме. Стало быть, этой бурной ночью новым, волшебным и удивительным явилось то, что мужчина, столько раз открывавший железную решетку, прошел по дорожке, выложенной кирпичом, кашлянул на пороге и дважды постучал в дверь.

С лицом, потемневшим от неодолимого волнения, она взмахнула рукой, повернулась туда, где сидела другая женщина, и сказала:

– Вот он и здесь.

Другая женщина сидела за столом, положив локти на грубые неструганные дубовые доски. Услышав стук, она устремила взгляд на лампу, вздрогнула от какой-то смутной тревоги и спросила:

– Кто бы это мог быть в такой час?

А она, вновь безмятежная, уверенно произнесла фразу, отточенную за столько лет:

– Неважно, кто. Кто бы то ни был, он промок до нитки.

Другая, под ее пристальным взглядом, встала. Она видела, как та взяла лампу. Как исчезла в коридоре. Услышала, из полутемной комнаты, сквозь шум дождя, усилившийся в темноте, как шаги той, другой, удаляются, запинаясь о выбитые выщербленные кирпичи прихожей. Услышала, как лампа стукнулась о стену, как в проржавевших пазах завизжал засов.

Какое-то время она не слышала ничего, кроме далеких голосов. Счастливый, затерянный в прошлом голос Ноэля, который, сидя на бочке, провозглашал попугаю Благою весть. Слышала скрип колес во дворе, когда папа Лаурель открывал ворота, чтобы впустить повозку, запряженную двумя волами. Слышала, как Хеновева, как всегда, кричит на весь дом, потому что «всегда, всегда этот чертов сортир занят». И потом снова папа Лаурель, ругается на чем свет стоит, сыплет солдатскими словечками, сбивая ласточек из того же пистолета, из которого в последнюю гражданскую войну перестрелял, в одиночку, целую дивизию правительственных войск. Она даже подумала, что и на этот раз все ограничится стуком в дверь, как раньше ограничивалось шарканьем подошв у порога, и подумала, что другая женщина, открыв дверь, увидела только горшки с цветами под дождем да улицу, печальную и пустую.

Но потом начала различать в темноте голоса. И услышала знакомые шаги, и увидела тени, протянувшиеся по стене прихожей. И поняла, что после долгих лет подготовки, после многих ночей колебаний и раскаяния мужчина, который открывал железную решетку, наконец-то решил войти.

Другая женщина возвратилась с лампой и за ней – вновь пришедший; она поставила лампу на стол, а он – не покидая орбиты света – снял плащ, повернув к стене лицо, исхлестан-

ное бурей. Тогда-то она и увидела его в первый раз. Вначале как следует на него посмотрела. Потом разобрала с ног до головы, изучая все члены взглядом упорным, старательным и серьезным, так, будто разглядывала не человека, а птицу. Потом, отвернувшись к лампе, подумала: «Так или иначе, это он. Хотя я воображала, что он немного повыше».

Другая женщина придвинула стул к столу. Мужчина уселся, положил ногу на ногу и принялся развязывать шнурки на ботинке. Другая села рядом и непринужденно заговорила о чем-то, чего она с кресла-качалки не могла расслышать. Но даже не слыша слов, только наблюдая жесты, она чувствовала, как отступает одиночество, и замечала, что в сухом и пыльном бесплодном воздухе снова пахнет, как раньше, словно вернулись те времена, когда мужчины, все в поту, входили в спальни, и Урсула, хлопотливая, полная забот, каждый вечер в пять минут пятого бежала к окну посмотреть, как отходит поезд. Она следила за жестами незнакомца и радовалась, что он так ведет себя; понимает, что после тяжелого пути, многократно повторенного, наконец нашел дом, заблудившийся в бурю.

Мужчина начал расстегивать рубашку. Снял ботинки и нагнулся над столом, над лампой, чтобы обсохнуть от ее тепла. Тогда другая женщина встала, прошла к шкафу и вернулась к столу с наполовину опорожненной бутылкой и стаканом. Мужчина схватил бутылку за горлышко, выдернул зубами пробку и налил себе полстакана густого зеленого ликера. Потом выпил единым духом, с преувеличенной жадностью. И она, наблюдая за ним с кресла-качалки, вспомнила вечер, когда решетка закрипела в первый раз – это было так давно!.. – и она тогда подумала, что в доме нет ничего для гостя, кроме этой бутылки мятного ликера. Она тогда сказала подруге: «Надо поставить бутылку в шкаф. Когда-нибудь кому-нибудь она понадобится». Другая спросила: «Кому?» А она ответила: «Кому угодно. Лучше всегда быть готовыми к тому, что кто-то придет под дождем». И теперь мужчина, как она и предвидела, наливал еще ликеру в стакан.

Но на этот раз мужчина не выпил. Когда он поднял стакан, глаза его устремились в полутьму, вверх лампы, и она впервые ощутила теплое прикосновение его взгляда. До этого момента мужчина не догадывался, что в доме есть еще одна женщина, поняла она, и начала потихоньку раскачиваться.

Какое-то время мужчина разглядывал ее до нескромности пристально. Нескромность, возможно, была нарочитая. Она вначале смутилась, но потом заметила, что и взгляд этот ей знаком, и что, несмотря на его пытливое, даже до дерзости, упорство, много в нем есть от беспечной доброты Ноэля и кое-что от терпеливого добросовестного тугодумия попугая. Поэтому она снова стала раскачиваться, думая про себя: «Хотя, может быть, и не он открывал железную решетку, это, в сущности, все равно». И продолжая раскачиваться, под его взглядом, подумала: «Папа Лаурель позвал бы его в огород пострелять кроликов».

Перед полуночью буря усилилась. Другая придвинула стул к креслу-качалке, и две женщины сидели молча, не двигаясь, и наблюдали, как мужчина сушится у лампы. Ветка миндального дерева, росшего возле дома, стукнула несколько раз в плохо закрепленное окно, и влажное дыхание бури наполнило комнату. Колючий град, залетевший с порывом ветра, коснулся ее лица, но она не пошевелилась, пока не увидела, как мужчина выливает в стакан последнюю каплю мятного ликера. Ей показалось, что в этом есть нечто символическое. И она вспомнила, как папа Лаурель сражался в одиночку, запершись в сарае, валя солдат правительственных войск из пистолета, предназначенного для стрельбы по куропаткам и ласточкам. И вспомнила письмо от полковника Аурелиано Буэндиа, и чин капитана, который папа Лаурель отверг со словами: «Скажите Аурелиано, что я воевал не ради войны, а просто чтобы невежи не переели моих кроликов». С этим воспоминанием и она как будто бы вылила последнюю каплю прошлого, остававшуюся в доме.

– Есть еще что-нибудь в шкафу? – спросила она хмуро.

И другая, в том же тоне, вполголоса, так, чтобы мужчина не услышал, ответила:

– Нет, ничего нет. Помнишь, мы с тобой в понедельник съели последнюю горстку фасоли.

И потом, боясь, как бы мужчина не услышал их, снова взглянули на стол, но увидели только тьму – ни стола, ни мужчины. Но они знали, что мужчина – там, невидимый, рядом с догоревшей лампой. Знали, что он не покинет дом, пока не кончится дождь, и что в темноте комната съежилась, и нет ничего странного в том, что он их услышал.

9 мая 1954 года, «Эль Эспектадор», Богота

Дом Буэндиа (наброски к роману)

В доме свежо, влажно по ночам, даже летом. Он стоит на севере, в конце единственной улицы селения, на высоком, крепком бетонном фундаменте. Крыльцо приподнятое, лестницы нет; видно сразу, что в просторной зале мало мебели; два окна от пола до потолка выходят на улицу, вот единственное, что выделяет этот дом среди прочих домов селения. Никто не припомнит, чтобы двери в течение дня бывали закрыты. Никто не припомнит, чтобы четыре плетеных кресла-качалки стояли в других местах или в другом положении: они расставлены квадратом, посередине залы, утратив, кажется, способность предоставлять отдых и став теперь простым бесполезным украшением. Теперь в углу стоит граммофон, рядом с увечной девочкой. Но раньше, в первые годы века, дом был тихим, скорбным; возможно, самым тихим и скорбным в селении, с этой огромной залой, занятой лишь четырьмя [...] (теперь над шкафчиком для кувшинов – фильтровальный камень, замшелый) в углу, противоположном тому, где сидит девочка.

По одну и другую сторону от двери, ведущей в единственную спальню, висят два старинных портрета, перетянутых траурной лентой. Сам воздух в зале несет в себе некую суровость, холодную, но элементарную и здоровую, как узелок с подвенечным платьем, что раскачивается над дверью в спальню, или сухая ветка алоэ, украшающая изнутри входную дверь.

Когда Аурелиано Буэндиа вернулся в селение, гражданская война уже закончилась. От тяжкого паломничества новоиспеченному полковнику вроде бы ничего не досталось. Разве что военное звание и смутное неосознанное чувство беды. Но также и половина смерти последнего Буэндиа, и полный голодный паек. Еще тоска по домашнему быту и желание иметь жилище спокойное, мирное, без войны, чтобы через высоко поднятое крыльцо проникало солнце, а в патио висел гамак между двух столбов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.